

Лев Толстой никогда не был толстовцем

Устарели не религиозные взгляды Толстого, а их критика...

20 ноября 1910 года не стало Льва Николаевича Толстого. Еще немного, и начнутся торжественные мероприятия...

Вдоль и поперек?

Я еще не встречала человека, который бы не уважал Льва Николаевича Толстого. При этом все, с кем мне приходилось говорить о нем, были убеждены, что творчество Толстого изучено вдоль и поперек, а сами они хорошо знают еще со школы лучшее в толстовском наследии. Лучшее и для самого Льва Николаевича?

Проверьте себя.

Вот отрывок из письма Толстого, с одной купюрой:

"Это сочинение (...) есть лучшее произведение моей мысли, есть та одна книга, которую (как говорят) человек пишет во всю свою жизнь".

Написано это письмо в 1884 г. Уже вышла большая часть произведений, сделавших Льва Толстого величиной мировой литературы, в том числе «Война и мир» и «Анна Каренина». Какое сочинение имел в виду Толстой?

Та же цитата, уже без купюры:

"Это сочинение - обзор богословия и разбор Евангелий - есть лучшее произведение моей мысли, есть та одна книга, которую (как говорят) человек пишет во всю свою жизнь".

Итак, речь идет об «Исследовании догматического богословия» и «Соединении и переводе четырех Евангелий». Эти произведения трудно соединить с «Анной Карениной», хотя они написаны всего через несколько лет после нее. Дело в том, что в этот небольшой промежуток времени Лев Толстой пережил серьезный жизненный кризис, изменивший его и как личность, и как автора. Религия стала интересовать его больше, чем литература. Он был убежден, что сможет сказать о ней новое. То новое, что поможет духовно неприкаянным людям, разочаровавшимся и в атеизме, и в традиционной вере, увидеть в религии возможность осмысления жизни в перспективе вечности и спокойно относиться к смерти.

Произведения Льва Толстого последних 30 лет его жизни были обращены к духовно ищущей и трезвомыслящей публике, и особенно к тем, кто, как и он сам, не верил в религиозные догмы, церковные таинства и чудеса. Этот новый период творчества Толстого отражает его активный духовный поиск. Все то, что он написал после выхода из своего внутреннего кризиса, будь то религиозно-философская статья, или художественное произведение, передает мысли автора о духовном сиротстве современного человека и о том, что может дать ему религия, понимай он ее иначе, чем храмовое богослужение. Духовное сиротство Лев Толстой испытал сам и знал его подноготную как никто другой, а понимание религии как знания о непреходящем смысле жизни помогло выйти ему из жизненного кризиса.

«Исследование догматического богословия» с «Соединением и переводом четырех Евангелий» как раз и положили начало духовной прозе, написанной Львом Толстым после его кризиса. Связанные друг с другом по своему смыслу и задаче, они для самого Толстого одно целое, хотя «Соединение» - несомненно, главное из них. Оно содержит в себе не только критику догматизма, уводящего, как считал Толстой, от главного в религии, но и является выражением альтернативного, недогматического понимания сути Евангелия. К такому пониманию Лев Толстой пришел через исследование евангельского текста. К «лучшему произведению своей мысли» он написал введение, которое было опубликовано отдельно под заглавием "Вступление к ненапечатанному сочинению". Позже оно получило другое название и стало самым известным из произведений Толстого, посвященных его новым взглядам на религию и христианство: это его «Исповедь».

Слон, похожий на столб

С течением времени, связь «Исповеди» с «Соединением» стала невидимой, и тот, кто знает об «Исповеди», а о «Соединении» никогда не слышал, может думать, что духовный поиск Толстого закончился лишь его конфликтом с церковью. Сам же конфликт стал восприниматься среднестатистическим знатоком русской литературы как нападки Толстого на церковь с упреками в ее гипокритизме и властолюбии, в результате чего она отлучила нашего великого классика и предала его анафеме.

Кто-то еще добавит к этому, что Толстой призывал к непротивлению злу насилием, прощению и возвращению к патриархальному образу жизни, а кто-то вспомнит о «толстовцах» как о его нелепых последователях. Из всего этого сложилась предвзятая картина о Толстом-мыслителе как наивном утописте, и вместе с тем неприятном моралисте, самозваном учителе жизни и обозленном на церковь еретике, задавшемся целью отпихнуть православие и заменить его невнятным и примитивным сектантским учением.

Этой репутации поспособствовали уничижительные высказывания о религиозных воззрениях Толстого его именитых современников. Например, Н. А. Бердяев отзывался о Толстом-мыслителе так:

"Почти невероятно, что такой гениальный художник и гениальный человек, такая религиозная натура, был одержим таким грубым и элементарным рационализмом, таким бесом рассудочности".

Ну а В.В. Розанов сказал еще хлеще:

«Толстой - только литератор, но не пророк, не святой и потому его учение никого не окрыляет»

Не будем разбираться, насколько справедливы такие высказывания – Толстого можно увидеть и так, и иначе. Бывало даже, что писавшие о нем пользовались одним и тем же сравнением для выражения прямо противоположных оценок. Как например:

«Толстой гигант среди других писателей. Слон среди других животных. Он, как слон, может вырвать дерево с корнями, но может и так нежно снять бабочку с цветка, что не сдует с её крыльев даже пыльцы». (И.С. Тургенев)

«Он похож на слона, которого пустили в цветник и который на каждом шагу топчет прекраснейшие цветы, сам того не замечая». (Д.С. Мережковский)

Кстати, о слонах. Вспоминается известная восточная притча о нескольких путниках, встретивших слона и ощупавших его, чтобы понять, кто им попался на дороге. Эта притча существует в разных вариантах. Где говорится о мудрецах, где о слепцах, где – о слепых мудрецах. В одних версиях их было трое, в других – семеро, а в третьих – даже 12. Но суть притчи везде одна: сколько бы ни было путников и кто бы они ни были, дать полную характеристику слону не смог ни один из них, потому что каждый из них щупал слона со своего места. А поскольку кто-то из них стоял у хвоста, кто-то – у ноги, кто-то – у хобота и т.д., то идеи путников о слоне не совпадали, и они только и делали, что спорили друг с другом.

Но даже если бы те путники не вдалились в споры, а соединили результаты своих исследований в одно представление о слоне, то и оно было бы неполным уже потому, что никто из них не мог дотянуться ни до хребта этого животного, ни до его макушки. Ну а главное - соединением результатов ощупываний познать живое существо невозможно, поскольку оно не механическая совокупность частей тела.

И все это также относится к оценкам, которые давали Толстому-мыслителю его критики, в особенности те из них, кто был далек от его духовного поиска.

Перекосяк

Я не знаю, можно ли вообще назвать изученной религиозно-философскую часть наследия Льва Николаевича Толстого. Хотя она по своему объему не уступает литературной, толстоведы уделяют ей намного меньше внимания, чем его романам и повестям первого, докризисного периода.

Конечно, толстоведы - тоже люди, и имеют право выбирать для исследования то, что интересно им самим. Понятно также, что художественная проза Льва Толстого их как литературоведов привлекает больше его религиозно-философские произведения. Однако, кроме личных соображений, есть, конечно, еще и конъюнктурные. Внимание к Толстому-мыслителю может обернуться неприятностями в любые времена. Их можно ожидать также и в наше время, несмотря на прежде небывалую в России свободу слова.

Толстоведы, как правило, имеют свою «вертикаль». Они должны соотносить свой тематический выбор с менталитетом нынешних высокопоставленных чиновников, курирующих культуру. А для их начальства отлучение Толстого от церкви - проблемный фактор, так как теперь снова полагается считаться с мнением церкви. Ну а она свое мнение о Толстом не изменила: он был для нее еретиком и таким остался.. И этим сказано все.

Но даже если бы ничего не мешало толстоведам больше заниматься духовной прозой Толстого, и они сами бы того очень хотели, есть еще одно объективное препятствие для исправления перекоса в изучении толстовского наследия. Вот характерное высказывание на одном из семинаров толстоведа Е.В. Николаевой, которое проливает свет не только на положение дел в ее области знаний, но и в литературоведении в целом:

Другая важнейшая тема, о которой необходимо сказать, - духовный путь Толстого. Исследование этой темы в настоящее время представляет собой большую сложность. В полной мере к рассмотрению этого вопроса можно отнести слова исследователя Гоголя, В.А. Воропаева: в предисловии к одной из своих книг он замечает, что мы не можем дать пока еще никакой объективной работы о духовном состоянии Гоголя, ибо у нас нет филологов, готовых к этой работе. Те, которые готовы ее исследовать с филологической точки зрения, абсолютно безграмотны в богословском отношении; те, которые могут это сделать с точки зрения богословской, беспомощны в области филологии.

Ну, хорошо, пусть мы признаем, что тысячи страниц духовной прозы Льва Толстого, куда входят автобиографические, религиозно-философские, публицистические и художественные произведения последних 30 лет его жизни, недостаточно изучены, и что? А то, что мы тогда поосторожнее станем обращаться со старыми ярлыками, наклеенными на эту часть толстовского наследия его предвзятыми критиками.

Понятно, что религиозным философам конца XIX - начала XX века, которых увлекали полеты мысли на дальние расстояния и мечты об идеальной церкви, интерес Толстого к «разумной религии» в стороне от храмов мог представляться «грубым и элементарным рационализмом» - новые пути в христианстве виделись им совсем другими. Но насколько их чаяния соприкасаются с духовными устремлениями современных богоискателей?! Те, кто снова и снова цитируют высказывания современников Толстого-мыслителя обычно не задаются таким вопросом.

Бесспорно, что после ухода из жизни Льва Толстого долгое время не было социального повода для пересмотра установившихся взглядов на его духовную прозу. Через четыре года после его смерти началась первая мировая война, а через семь лет Россия стала другой страной, где религия как таковая оказалась "опиумом для народа" – что уж тут о говорить об адекватности или неадекватности старых оценок духовного поиска Льва Толстого?

Маргинал

Говорить об этом можно в наше время. Духовно-религиозное наследие Толстого теперь легко доступно, чего раньше не было. Появились сайты, где имеется и его духовная проза, и отзывы о ней; как-никак что-то из нее выходит печатными изданиями. Отдельной книгой опубликовано, наконец, «Соединение и перевод четырех Евангелий».

Этому можно радоваться, но только этому. Доступность еще не все. Религиозные взгляды Толстого, как ни говори, востребованными в постсоветской культуре не стали. А точнее, они не стали востребованы в теперешних субкультурах, которые задают тон в современном духовном поиске. Его высказывания редко цитируются, на них мало ссылок в философской литературе, о них не вспоминают на сколь-нибудь серьезных дискуссиях о путях выхода из создавшегося духовного кризиса. Тем самым Толстой-мыслитель по-прежнему отстранен от духовной жизни общества, причем отстранен в гораздо большей мере, чем при его жизни, когда его не допускала к думающей публике церковная цензура. Тогда он был влиятельным диссидентом, теперь же оказался одним из маргиналов.

Церковной цензуры сейчас вроде бы нет, но на отношении постсоветского общества к религиозно-философскому наследию Толстого его конфликт с церковью сказывается. Ведь многие из теперешних именитых участников обсуждений современного духовного кризиса оглядываются на православную церковь: кто-то потому, что верующий, а кто-то – потому, что не желает по каким-либо причинам задевать РПЦ. Конечно же, так прямо никто этого не говорит. Говорят, как правило, что взгляды Толстого на религию и христианство безнадежно устарели и не могут быть полезны для поисков ответов на вопросы, возникающие в наше время.

Давайте первым делом признаем, что в современном обществе нет и не может быть духовного поиска в одном, общем для всех направлении, и потому, кто бы что бы ни говорил, это не может быть нужно всем без исключения. Понятно, что Толстой-мыслитель чужд тем, кто видит в РПК духовного лидера общества, или тем, кто в стороне от РПК, мечтает об «обновлении церкви», не говоря уже об атеистах. Им духовный поиск Льва Толстого не нужен, это да, но ведь есть еще и другие.

Взять, например тех, кто ценит свой «христианский корень», но не приемлет каноническое мышление и беспрекословное подчинение религиозным авторитетам, присущие конфессиональному христианству. Такое раздвоение в наше время знает большое количество людей. Понятно, что приобщение к религиозным традициям для них проблематично, как бы они того ни желали. Они задаются вопросами, которые обычно даже не возникают у ортодоксальных верующих или атеистов, как например: правомерна ли «сдача в архив» тех верований предков, которые не соединимы с современным сознанием? Иными словами, может ли каждый из нас придерживаться в религиозной традиции только того, что ему близко? Задавал себе такой вопрос и Лев Толстой.

Правильное?

Испокон веков традиции считаются хранилищем выдержавших испытание времени правильных религиозных взглядов, и так к ним изначально относился Лев Толстой. Когда после «Анны Карениной» он переживал свой собственный духовный кризис, то начал после многолетнего перерыва снова ходить в церковь и делать все, что она предписывает. И первое время он не рассуждал, надо это или надо, правильно ли что-то или неправильно. Он поступал, как все.

Если в религиозной традиции к правильным представлениям как-то примешались неправильные, то установить их и устранить – дело ее хранителей, но никак не ее пользователей. Так это узаконено в христианстве. Хранители христианских традиций – священнослужители и богословы, пользователи – верующие. В этом раскладе Толстой никто иной, как пользователь. Не важно, что он гениальный писатель, - в религии, как ее понимает церковь, он не компетентен рассуждать о правильном и неправильном.

Но совсем перестать рассуждать Толстой не мог – так уж он был устроен. Входя в храм, он продолжал думать. Думающий человек не только спрашивает «что есть правильно?», но и хочет понять, почему это правильно. Один из вопросов, возникших у Толстого-прихожанина, был как раз вопрос о «правильном» в христианстве. Из его «Исповеди» мы знаем, что его немало озадачивало *«то презрительное, самоуверенное, непоколебимое отрицание, с которым относится католик к православному и протестанту, православный к католику и протестанту, и протестант к обоим, и такое же отношение старообрядца, пашковца, шекера и всех вер»*. Озадачивало не только отношением друг к другу, далеким от христианской любви к ближнему. *«Говоришь себе, - пишет он дальше, - да не может же быть, чтобы это было так просто, и все-таки люди не видали бы того, что если два утверждения друг друга отрицают, то ни в том, ни в другом нет той единой истины, какую должна быть вера»*.

Странные, на его взгляд, особенности канонического мышления не давали ему покоя. Толстой стал доискиваться до сути межконфессиональных противостояний в беседах с хранителями православной традиции. В числе его собеседников были архимандриты, архиереи, старцы, схимники, но он не получил от них *«никакого объяснения, кроме того же самого, по которому сумские гусары считают, что первый полк в мире - Сумский гусарский, а желтые уланы считают, что первый полк в мире -- это желтые уланы»*.

Как думающему человеку после этого относиться к «правильному» в христианстве? А по-разному можно к этому относиться. Например, заявить, что в религии все по-своему правильно. Лев Толстой поступил иначе: он внес в межконфессиональные споры о правильном закономерный вопрос:

«Нельзя ли, -- говорил я, -- выше понимать учение, так, чтобы с высоты учения исчезали бы различия, как они исчезают для истинно верующего?»

Этот вопрос не был огульным: прецедент такого обращения с религиозными разногласиями имелся в самом православии, которое после долгой борьбы со старообрядцами пришло к мирному сосуществованию с их церковью. Почему бы не взять это за образец, как минимум, в отношениях с католиками и протестантами? Нет, с протестантами и католиками такое никак нельзя, говорили Толстому его православные собеседники. И опять они называли для этого причины, мало отличающиеся от тех, по которым уланы всегда спорят с гусарами.

Межконфессиональных разногласий с тех пор меньше не стало, и вопрос Толстого о понимании евангельского

учения на более высоком уровне, где они стали бы второстепенными, не отпал. Мало того, он созвучен духу нашего времени, с его стремлением к выявлению объединяющего в противовес разъединяющему. И таких вопросов, остающихся актуальными и в наше время, у Толстого было много.

Он был честным богоискателем и высказывал свои сомнения открыто. Это были большей частью сомнения из разряда вечных, которые могут возникнуть во все времена и у всякого трезвомыслящего человека. Как, например, сомнения в чудесах, возможности знания Божьего промысла, абсолютной истинности догм, святости икон, книг и отдельных личностей.

Сомнения

Конфессиональное христианство допускает сомнения, но видит в них - скажем осторожно - мало хорошего. Фома неверующий замечателен лишь тем, что стал верующим. Сомнения верующих для церкви - проявления маловерия. Быть маловерным нехорошо, и если ты такой, то молись, исповедуйся, причащайся. Ну, и конечно же, слушай, что говорят авторитетные люди – батюшки и богословы. Надо ли говорить, что такое отношение к сомнениям далеко от ментальности современного человека. Мы, в нашем просвещенном веке, склонны гораздо больше, чем наши предки, видеть в сомнениях повод для проверки верности как своих, так и чужих убеждений.

Сомнения Толстого в существовании какого-то абсолютно правильного христианского вероисповедания привели его к решению перечитать Евангелие. Вдумчивое чтение этого первоисточника всех форм христианства открыло ему глаза на недогматический характер изначального христианского учения. Каждому известно, что церковные догмы пришли в христианство позже, но поскольку они привязаны к определенным местам в евангельском тексте, то проповеди Иисуса и их церковные толкования соединяются в сознании верующих в неразрывное целое.

Толстой, читал в этот раз четвероевангелие без оглядки на церковь и потому воспринял связь догматического богословия с содержанием Евангелия совсем иначе: догмы не исходили из высказываний Иисуса Христа, переданных евангелистами - они были пришиты к Его словам.

Исследуя Евангелие, Лев Толстой также обнаружил, что его разум, не принимавший догм, церковной иерархии и храмового богослужения, евангельское учение принял самым естественным образом. В Евангелии вообще не было ничего того, что отвергал бы его разум: в его глазах, христианство пришло в мир как раз как разумная религия, которая ориентировала человека на непреходящие ценности и открывало богопонимание, умещающееся в его сознание. Наконец, он нашел там и ту высоту, глядя с которой можно признать межконфессиональные разногласия второстепенным делом. Евангелие увиделось Толстому, прежде всего, книгой мудрости, и мудрость этой книги была на порядок выше всех богословских трактатов вместе взятых.

Главное, но не первое

Отдельные места Евангелия наводили Толстого на мысль о неточности перевода, и он решил сопоставить их с греческим оригиналом. Несоответствия, действительно, обнаружились, и тогда Толстой решил перевести все четыре евангелия Нового Завета заново. Изучая греческий текст Евангелия, он соотносил наиболее трудные места с их переводами на латинский, немецкий, французский и английский языки. Его целью было вернуть изначальный смысл словам и выражениям, значение которых в переводе церкви, как он полагал, было искусственно привязано к ее догматике.

Исследованием евангельского текста Толстой занялся сначала для себя, но уже скоро он пришел к решению вынести результат своих изысканий на обсуждение. Он хорошо знал, что был не единственным, кого церковные догмы и канонические толкования евангельских положений отталкивали от доставшейся от предков религии и заслоняли в ней главное. В трактате «В чем моя вера?» Толстой выразился на этот счет следующим образом: *«...учение церкви не только не отрицало того, что казалось мне главным в учении Христа, но вполне признавало это, но признавало как-то так, что это главное в учении Христа становилось не на первое место»*.

Евангелие называет главным любовь к Богу и ближнему (Мф.22:37-40). Одно неотделимо от другого, и эта взаимосвязь имеет в христианстве принципиальное значение. Любовь к ближнему в христианстве - самое значительное проявление любви к богу. Она не этическая норма, а состояние сознания, противоположное эгоцентризму.

Все религии мира учат человека преодолевать свой эгоцентризм, который задается его инстинктами и поддерживается принятыми в обществе установками. Эгоцентризм сужает сознание и является основным

препятствием для познания трансцендентной реальности, как бы она ни представлялось, в образах Бога-субъекта или без них. И потому, прежде чем рассуждать о запредельном, надо выйти за пределы собственного эгоцентризма, и любовь к ближнему выведет оттуда всякого человека самым лучшим образом. Эта мысль становится обертоном всей духовной прозы Толстого. В статье «Единая заповедь», написанной им незадолго до своей кончины, он смог в одном абзаце выразить суть христианства и его место в мировом религиозном наследии:

«Вера в заповедь любви в том, что Бога мы можем познавать только в себе. И познаем мы Его только той стороной, которой Он открывается нам. Открывается же Он нам любовью. Так что хотя и знаем мы Его далеко неполно, только одной стороной Его, той, которой Он открывается нам, мы несомненно знаем об Его существовании, и о том свойстве Его, которое мы сознаем в себе, и о том, чего Он хочет от нас. Вера эта много раз была выражаема во всех религиозных учениях мира, начиная с самых древних египетских, индусских, так называемых языческих даже, и в особенности с особенной определенностью выражена в учении Христа».

Мудрая простота Евангелия не требовала, в глазах Толстого, богословских толкований – главное в христианстве можно было понять и без них. Он, конечно же, сознавал, что это воззрение неминуемо вызовет сопротивление не только церкви, но и многих верующих, живущих, того не сознавая, с религиозным комплексом неполноценности. В трактате «В чем моя вера?», написанном вслед за «Соединением», он говорит об этом следующее:

«Бог этот, нас приучили так думать, должен был сказать что-нибудь таинственно-мистическое, такое, что трудно понять, что можно понять только помощью веры и благодати, и вдруг слова Бога так просты, так ясны, так разумны. Бог говорит просто: не делайте друг другу зла - не будет зла. Неужели так просто откровение Бога? Неужели только это сказал Бог? Нам кажется, что мы это все знаем. Это так просто».

Несостоявшаяся дискуссия

Ясно, что при таком усвоении сути христианства церковные догмы, таинства и храмовое богослужение не могут иметь какого-либо определяющего значения. Правомерно ли подобное понимание Евангелия? Допустимо ли оно хотя бы частично для церкви? Эти вопросы Лев Толстой хотел вынести на обсуждение. Они представлялись ему очень важными при растущем безверии в современном мире (духовный кризис общества, о котором сейчас так много говорят и пишут, отмечался, между прочим, и тогда). Толстой отыскал в четвероевангелии фрагменты, в которых выразился смысл учения Иисуса Христа, собрал их воедино и снабдил их изначальное значение своим комментарием. Так возникло произведение, которого никак не обещала написанная им прежде художественная проза: «Соединение и перевод четырех Евангелий».

Предметом дискуссии оно не стало. Не стало уже по той простой причине, что в конце XIX века такая книга в России опубликована быть не могла. Но и без широкого обсуждения «Соединение» всегда будет иметь социальное значение – значение прецедента. И не одного прецедента, а целого ряда. Прежде всего, это прецедент самостоятельности и индивидуальной религиозной свободы в отношениях «простого верующего» со своей религиозной традицией. Это также прецедент недогматического видения сущности христианства.

Лев Толстой – не просто самобытный религиозный мыслитель, он – событие в духовном поиске, присущем русской культуре. Еще никто до Толстого не заявил публично о праве каждого, кто унаследовал христианские корни, ориентироваться только на Евангелие и доискиваться в нем до сути христианства своим умом, не оглядываясь на богословов и церковь. Тот, кто так поступает, имеет такое же право называться христианином, как и воцерковленный верующий. Именно в христианстве, по мнению Толстого, религиозная самостоятельность находится в полном соответствии с его основными положениями.

В трактате «В чем моя вера» он обосновал это так:

«Для того же, чтобы человек знал то, чего от него хочет Тот, Кто его послал в мир, - Он вложил в него разум... Если же мы будем держаться того, что нам говорит разум, то все соединимся, потому что разум у всех один, и только разум соединяет людей и не мешает проявлению свойственной людям любви друг к другу».

А вот еще одна цитата оттуда же, уже адресованная церкви, которой, по мнению Толстого, нечем возразить против независимо настроенных верующих :

. «Все христианские церкви всегда признавали, что все люди, неравные по своей учености и уму, — умные и

глупые, — равны перед Богом, что всем доступна Божеская истина. Христос сказал даже, что воля Бога в том, что немудрым открывается то, что скрыто от мудрых»

Мысли Толстого о религиозной самостоятельности, как и следовало ожидать, вызвали возмущение у церковного руководства. Вместе с тем они встретили непонимание в российском обществе его времени. Оно проглядывается не только в уничижительных реакциях на его воззрения таких религиозных вольнодумцев, как Николай Бердяев и Владимир Соловьев, но и во многих проявлениях толстовства.

Толстовство – отдельная тема. Хочу только заметить, что оно так же соотносится с социально-религиозной философией Льва Толстого, как ницшеанство со взглядами Ницше или храмовый буддизм с учением Будды. И так же уводит в сторону от источника, из которого черпает знание и вдохновение. Показательно, что некоторые толстовцы приводили самого Толстого точно так же в замешательство, как и его критиков. Вот два его высказывания: «Говорить о толстовстве, искать моего руководства, спрашивать моего решения вопросов - большая и грубая ошибка» . «Никакого моего учения не было и нет, есть одно вечное, всеобщее, всемирное, истинное для меня, для нас, особенно ясно выраженное в Евангелиях». 1

Увы, неприглядные крайности толстовства (а они известны в наше время больше, чем другие качества этого движения), к сожалению, до сих пор отваживают от Толстого его - того себе не признающих – единомышленников в наше время. Ведь самостоятельность в религии – типичная постсоветская тема, и немало людей думают о ней сейчас в сущности так же, как Лев Толстой. Влиятельные инициаторы научных и медийных дискуссий о духовном состоянии постсоветского общества, обходят эту тему стороной, но для современных богоискателей она одна из самых актуальных - зайдите, кто в этом сомневается, на религиозные форумы.

Религиозные индивидуалы

Богоискатели бывают разные. Одни ищут доказательства существования Бога в чудесах и метафизике, другим это не надо, а то и вообще мешает. Одним хочется иметь духовного наставника, который вывел их на верный путь к Богу, другие хотят найти такой путь сами. Одним нужны конкретные образы и выражения Бога, другим достаточно какого-то отвлеченного представления. Для одних Бог – субъект, другие не хотят его никак себе представлять, и тем более – как-то называть. Одни ищут в религии утешение и надежду на помощь свыше, другие – жизнепонимание, примиряющие со своей судьбой, какой бы она ни была.

Современное богоискательство идет в разных направлениях, и это общеевропейское явление. Однако, уже при поверхностном знакомстве, можно заметить одно важное отличие духовного поиска на Западе и в России: это отношение к христианству. Российский богоискатель внутренне привязан к нему значительно больше, чем западный. Однако при этом, у него те же камни преткновения в его отношениях с православием, что и у француза с католической церковью или у немца с лютеранской, а именно: догмы, иерархия, верования в сверхъестественное, беспрекословное подчинение религиозным авторитетам.

Во многих мировых религиях есть нехрамовые формы вероисповедания, соединимые с внутренним миром людей, равнодушных к метафизике и при этом склонных к индивидуальной деятельности. В том же буддизме, например, есть направления с объемной церемониально-обрядовой составляющей, и есть Випассана традиция, где духовное просветление достигается только через медитативное самосозерцание.

Индивидуальный духовный путь в церковном христианстве не узаконен, но его отсутствие не смогло воспрепятствовать внутреннему стремлению к религиозной самостоятельности у личностей, привыкших жить своим умом и поступать по-своему. Это тип людей, существующих в каждом народе и в каждой эпохе.

В современном мире их становится все больше и больше. При этом независимо думающие и самостоятельно действующие люди все больше и больше ценятся в обществе. Сейчас нет такой профессии, где бы творческие качества и способность работать самостоятельно не превозносились бы над исполнительностью. Появилось и название таким работникам: «индивидуалы». Оно уже вошло в словари.

Вот как определяет индивидуала «Словарь Ушакова»: *«Лицо, выполняющее индивидуально, единолично какую-нибудь работу, в противоположность лицам, работающим группой, коллективом».*

Можно ли ожидать от индивидуала, живущего в свободном обществе, что он изменит себе, обратившись к религии? Ну, а если даже он начнет делать, как все, и заставит себя думать, как полагается, надолго ли этого хватит? «Исповедь» Льва Толстого, индивидуала по всем показателям, дает подробный ответ на этот вопрос.

А его «Соединение и перевод четырех Евангелий» - это ответ на вопрос, как можно приобщиться к христианству, будучи по своей натуре «индивидуалом».

Вот две мысли, к которым пришел Толстой в поисках выхода из своего «неверия»:

- думая, что ты не веришь в Бога, ты можешь на самом деле не верить в тот образ Бога, в который тебя обязывают верить;

- суть всякой религии определяет ее первоисточник, а не его толкования.

Ослепление от первых открытий

Автобиографические, религиозно-философские, публицистические и художественные произведения Льва Толстого последних 30 лет его жизни (а это больше половины его творческого наследия) выражают не только его религиозные воззрения. Толстой много рассказал о себе, и рассказал честно. Его уникальный опыт богоискателя-практика – очень важное добавление к его пониманию христианства. Это духовный опыт современного думающего человека во всей совокупности проб и ошибок, открытий и заблуждений, моментов силы и слабости духа, посильных и непосильных испытаний, продвижения к поставленным целям и остановок в тупиках.

Такой опыт пригодится каждому, кто, как когда-то Лев Толстой, чувствует духовную неприкаянность и ищет внутреннюю опору будь то в старых традициях или в современных формах духовности. Где бы и как бы человек не начинал свой духовный поиск, он будет часто не в состоянии адекватно оценить свои первые открытия. Скажется и ослепляющая радость, которую эти открытия дают, и недостаток духовного багажа, где еще не выработаны критерии оценок.

Толстой знал это состояние очень хорошо и предостерегал от опьянения восторгами в духовном поиске. Такое опьянение он испытал как раз при работе над «Соединением», но осознал его только годы спустя. В одном из писем он рассказал об этом следующее:

"Книга эта была писана мною в период незабвенного для меня восторга сознания того, что христианское учение, выраженное в Евангелиях, не есть то странное, мучившее меня своими противоречиями, учение, которое преподается церковью, а есть ясное, глубокое и простое учение жизни, отвечающее высшим потребностям души человека. Под влиянием этого восторга и увлечения я, к сожалению, не ограничился тем, чтобы выставить понятные места Евангелия, излагавшего это учение (пропустив то, что не вяжется с основным и главным смыслом и не подтверждает и не отрицает его), но пытался придать и темным местам значение, подтверждающее общий смысл. Эти попытки вовлекли меня в искусственные и, вероятно, неправильные филологические разъяснения».

«Неправильные филологические разъяснения», на которые указывали Льву Толстому его ученые критики, я думаю, не главное, что мешало другим увидеть в «Соединении» «лучшее произведение» мысли его автора. Был другой, более сильный фактор отчуждения от толстовского толкования Евангелия в новом духе: чересчур горячее убеждение Толстого в своей правоте. Собственное прочтение Евангелия представлялось Толстому единственно правильным, и в этом он мало отличался от своего противника – православной церкви. Уже само его отношение к церкви как к противнику мало кому импонировало. Где противник, там борьба. Желающих как-то в ней участвовать можно было пересчитать по пальцам.

Как мы видим, Лев Толстой осознал влияние своих восторгов при исследовании Евангелия спустя годы. Случись это своевременно, может быть, он меньше стремился к признанию своей правоты и больше бы воздерживался от споров с церковью. А может быть, он и вообще не стал бы с ней спорить, а говорил бы и писал о своем пути в христианстве как параллельном - пути для тех, кому присуща самостоятельность. Наверное, это было бы самым лучшим.

Как бы то ни было, духовный поиск Льва Толстого был и навсегда останется важным прецедентом. Он еще не проанализирован с позиций XXI века и с учетом его запросов, хотя по своему направлению этим запросам отвечает. Взять, к примеру, его воззрения на самостоятельный путь в христианстве, в стороне от храмов. Рост интереса к такой возможности – одно из проявлений духа нашего времени. Мы все теперь немного «религиозные индивидуалы».

В статье «Неизбежный переворот», написанной незадолго до его кончины, он сказал о необходимости соответствия религии духу своего времени следующее:

«Пора перестать верить в обман о том, что религия неподвижна. Верить в неподвижность религии—все равно, что верить в неподвижность того корабля, на котором мы плывем. Неподвижно подобие религии, культ; истинная же религия, сознание смысла жизни и вытекающего из него руководства, не может быть неподвижною, а не переставая двигаться и движением своим изменяет жизнь человечества».

Алла Авилова

Алла Авилова – филолог, литературный автор и публицист. Современный духовный поиск – одна из тем ее статей и эссе.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com КУЛЬТУРА, МИР 👁 14302 22.10.2010, 17:33 📄 680

URL: <https://babr24.com/?ADE=89178> Bytes: 35098 / 34866 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)